

Липы / поэма

Category: Kitarcsy, Poesmalar
написано kitarcsy | 24 января, 2025
Липы / поэма ЛИПЫ

И вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина.

Карамзин

1.

На пурпуре ленивки драгоценной
Красноречиво, пышно развалясь,
Князь Пётр Ильич Хрулёв уединенно
Курил гаванскую сигару. Князь
Глядел сурово, думал беспокойно:
Табачный дым небрежно и нестройно
Из-под усов на воздух он бросал;
Обыкновенно ж он его пускал
Отчётисто, красивыми кружками.
Что ж занимало голову его?
На поприще служенья своего
Блестает он чинами и звездами,
Он и богат, и знатен, и силён,
Чего ж ему, о чём же думал он?
Быть может, он вспоминал тоскливо
Прекрасные, былые дни свои
И молодость, когда он цвёл счастливо
Избытком сил, для жизни и любви;
Когда он бойко, славно рисовался
Перед полком; иль негой упивался
В шуму высоких, царственных потех,
Где он имел решительный успех
У первых лиц, где был он несравненно
Умён, и мил, и ловок, и остёр,
И привлекал к себе огнистый взор

И сладку речь красавицы надменной.
Быть может, он вспоминал те дни
И думал: «Ах, зачем прошли они!»

Они прошли как сон пустой; а ныне
Куда судьба его перенесла!
Он здесь один, и словно как в пустыне,
И кучами кругом его дела
Прескучные; он толку в них не видит
И знает, что добра из них не выдет;
Тоска ему, невыносимо дик
Его большой бузанский пашалык:
Сама его столица как могила.
Здесь он завял и сердцем и умом
В глуши. Да нет, он думал не о том.
Забота в нём кипела и бродила
Важнейшая: он преисполнен был
Дум глубочайших. Вот он позвонил.

И перед ним, нагнувшись и блистая,
Лакей как тут. «Крумахера ко мне!»
Лакей ушёл. Забота вот какая
Смущала князя: в этом Бузане,
Где всё ещё и пошло и уныло,
Полезно бы, прекрасно б даже было,
Притом же и не слишком мудрено,
Бульвар устроить! Так и решено.
Покончена работа черновая,
Лишь осенью деревья насадить;
Но вдруг приказ: бульваром поспешить!
И чтобы он к шестнадцатому мая
И непременно весь отделан был.
Об этом князь бумагу получил
За чаем; он задумался над нею:
«Срок очень мал! Всего-то восемь дней!
Так как мне быть, когда же я успею?
Где я возьму такую тьму людей?»

Бульвар велик; нет, это слишком скоро!
Стоят жары, теперь садить неспоро,
Деревья будет нужно поливать
Весь день, – да где их столько и набрать?
Лес за семь вёрст! И лес какой же? Хвойный!
А липы редки в этой стороне,
А нужны липы; что же делать мне?
Ну как тут быть?» Князь думал беспокойно,
И мысли в нём, одна другой черней,
Как волны вод, когда ревёт Борей.

Вошёл Крумахер. Чинно поклонился.
Князь объяснил ему и прочитал
Бумагу. Тот ничуть не удивился
Разумному приказу и сказал:
«Так надобно, не мешкая, за дело,
И чтоб оно без усталы кипело, –
Прикажете, я завтра же начну
Распоряжаться, мигом поверну
Работу к спеху: множество народу
Собьём из подгородных деревень;
Велим ему работать целый день
Вплоть до ночи, возить к деревьям воду,
И для поливки буду высылать
Моих пожарных». – «Трудно лип достать,
Их сотни с две потребно для бульвара», –
Заметил князь. – «И это ничего:
Нас липы не задержат; сад у Кнара
Весь липовый; достанем у него.
И липы все, как на подбор, прямые
И чистые; ну, именно какие
Нам надобно. Я сам к нему зайду,
И завтра же; есть липы и в саду
Жернова, их мы тоже пересадим
На наш бульвар, и будет он как раз
У нас готов. Могу уверить вас,
Не беспокойтесь: славно дело сладим!»

И князь сказал: «Поди же торопись,
Любезнейший, и всем распорядись».

Ушёл Крумахер. Князь легко и плотно
Поужинал, потом на ложе сна
Лёг и заснул, как отрок беззаботный.

Какая ночь: весенняя луна
То, ясная и яркая, сияет
В лазурном небе; то она мелькает
В летучих и струистых облаках,
Как белый лебедь, спящий на волнах.
Какая ночь! Река то вдруг заблещет,
И лунный свет в стекле её живом
Рассыплется огнём и серебром;
То вдруг она померкнет и трепещет,
Задёрнута налётным облачком.
Земля уснула будто райским сном.

Вот лунный свет прекрасной вешней ночи
И в спальне князя весело блестит,
Его целуя и в уста и в очи;
Сон видит князь: с министром он сидит
И объясняет складно и подробно,
Как было трудно, вовсе неудобно,
В такую пору, только в восемь дней,
Бульвар устроить: и согнать людей,
И лип найти, и подвозить к ним воду,
Песок возить, укатывать катком;
Но он таки поставил на своём
И, так сказать, преодолел природу.
Бульвар готов, а прежде тут была
Пустая площадь и трава росла!

И видит князь, как он министра водит
По дивному созданию своему:
Министр доволен, весело он ходит,
Всё хорошо, всё нравится ему,

Всё сделано отлично, превосходно,
Как надобно, и князя всенародно
Он тут же и не раз благодарит,
И князь в восторге. Он едва стоит;
Он очарован ласковым воззреньем
Вельможных глаз на слабый, малый плод
Его трудов, усилий и хлопот;
Он поражён приливом и волненьем
Сладчайших чувств; он ими поглощён

2.

Аптекарь Кнар, с своей женой Алиной
И кучею детей, спокойно жил.
Его семьи счастливою картиной
Все любовались; он жену любил
Сердечно, и такую ж отвечала
Она ему любовью; управляла
Хозяйством восхитительно; была
Добра, умна, чувствительна, мила.
Его жена любила так же нежно
И постоянно липовый свой сад,
Приют своих семейственных отрад.
Она об нем заботилась прилежно,
И процветал Алинин сад, предмет
Её живой заботы многих лет.

Она его в наследство получила
От матери покойной и сама,
Ещё при ней, деревья в нём садила
Не просто, – нет, она была весьма
Замысловата: при сажаньи сада
Не только что прогулка иль прохлада
Приятная была у ней в виду;
Нет, ей хотелось, чтоб в её саду
Произрастал, красиво зеленея,
Альбом родных и милых ей людей,
Чтоб лёгкий шум густых его ветвей,

При месячном сияньи тихо вея,
Напоминал ей сладко, вновь и вновь,
Её семью, и дружбу, и любовь.

И эту мысль она осуществила
Прекрасно. Вот Адам Адамыч Бок,
Бандажный мастер; вот его Камилла
Эрнестовна; вот Франц Иванович Брок,
Сапожник, и жена его Бригита
Богдановна, и дочь их Маргарита,
И муж её Пётр Фёдорович Годейн,
Штаб-лекарь; вот Иван Андреич Штейн,
Кондитер и обойщик; вот почтмейстер
И кавалер Крестьян Егорыч Шпук,
Вот Фабиан Мартынович фон Фук
И Александр Вильгельмович фон Клейстер –
Два генерала; вот и две жены
Двух генералов, бывшие княжны
Мстиславские: Елена и Полина, –
Красавицы! А вот семейный мир
Хозяйки: вот её мама, Кристина
Егоровна; папа, аптекарь Шмир,
Иван Иванович; дядя Карл Иванович;
Вот муж, аптекарь Николай Богданович
Кнар; дети: Лиза, Лена, Макс, Андрей,
И прочие... В дни юности своей
Она сама здесь некогда гуляла,
Влюблённая, и томною мечтой
Питалася, беседуя с луной
Задумчиво, и «Вертера» читала.
Здесь вместе с ней жених её гулял
И в первый раз её поцеловал.

И с той поры, в тот час, когда сменяет
Шумливый день ночная тишина,
И небосклон румяный потухает
За дальними горами, и луна

Слегка осветит дремлющие сени
Заветных лип, и сетчатые тени
Падут на луг, – Алина здесь блуждать
Любила, и душой перелетать
В минувшее, и чувствовать уныло,
Что сердцу милых многих, многих нет,
Что эта жизнь полна пустых сует,
И веровать, что будет за могилой
Иная жизнь и лучшая, иной
И вечный свет, небесный, неземной!

Так этот сад хозяйке драгоценен.
Прекрасный сад! Он застенён горой
От северного ветра, многотенен
И далеко от пыли городской.
Как живо улыбается Алина,
Когда её семейная картина
И двое-трое милых ей гостей
В её саду, в тени его ветвей,
Сидят, пьют кофей, муж спокойно курит
Табак; с ним тихо говорит Конрад
Блехшмидт, портной, его табачный брат;
С мамзелями невинно балагурит
Танцмейстер Кац, а с Миною фон Флит
Он вечно шутит: как он их смешит!

Был вечер. Кнар, с своей женой Алиной,
Сидел у растворённого окна.
Он занимался важно медициной
И рылся в толстой книге, а жена
Чулоч вязала, между тем глядела
На улицу, которая кипела
Народом и телегами, и сам
Крумахер горделиво по толпам
Расхаживал; полиция кричала
И гневалась жестоко на народ.
«Ах Боже мой! Крумахер к нам идёт!

Что это значит?» – жалобно сказала
Алина и хотела выйти вон;
Но в дверь стучат. Так точно – это он.
И муж её немедленно смутился,
Насупился и книгу отложил.
Крумахер величаво поклонился
И сел. Сначала он заговорил
О том, что хороша теперь погода.
Обыкновенно в это время года
Бывает грязь и дождик ливня льёт,
Что в городе сгорел свечной завод,
И сильный ветер пособлял пожару,
А затушить не можно было: тут
И заливные трубы не берут;
Потом он ловко перевёл к бульвару
Свои слова и наконец довёл
Их и до лип, а тут он перешёл
И к липам Кнара. Нужно непременно
Их на бульвар, и скоро, перевести,
Чтоб к сроку был готов он совершенно.
Князь приказать изволил! – Эта весть
Хозяину пришлось не по нраву:
Насилие, неуваженье к праву
Он видел в ней; Алина же чуть-чуть
Не обмерла, не смела идохнуть;
Но Николай Богданч прибодрился,
Вскочил со стула, выступил вперёд
И объявил, что лип он не даёт,
Во что б ни стало. Он разгорячился
И ну твердить: «Где ж правда, где закон?»
Таким ответом крайне удивлен,
Крумахер скоро вышел. Очевидно,
Мирволил он аптекарю, щадил
Его: он с ним нимало не обидно,
Спокойно, даже мягко говорил,
И то сказать – Кнар человек известный,
Почтенный немец, говорят, и честный,

И многими уважен и любим:
Зачем его дразнить или над ним
Ругаться! Пусть живёт благополучно.
Но вообще Крумахер был не так
Учтив, был груб и резок на кулак,
И речь его бежала громозвучно,
Как быстроток весенних, буйных вод,
Сердитый, пенный, полный нечистот.

А между тем аптекарь расходился.
Ведь сад – его, принадлежит ему,
Принадлежит по праву. Он решился
Лип не давать никак и никому.
Князь приказал! Князь человек военный,
Однако же, как слышно, просвещенный,
Он этого не сделает. О нет,
Ты лжёшь, Крумахер! Завтра же чем свет
Иду сам к князю, смело, откровенно
С ним объяснюсь и липы отстою:
Я защищаю собственность мою!
Я прав и в том уверен несомненно.
И с этой мыслью Кнар пошёл ко сну,
Поцеловав чувствительно жену.

3.

Бузанский полицмейстер собирался
В объятия Морфея: он курил
Гаванскую сигару, раздевался
Прохладно и квартальным говорил:
Калинкину (Калинкин был вернейший
Его подручник, ревностный, грубейший;
Он мог назваться правой рукой
Крумахера): «Послушай ты, косою,
Похлопочи, чтоб дело сделать с толком:
Ты должен непременно до зари
Управиться; а главное, смотри,
Чтобы всё шло без шума, тихомолком.

Пожалуйста, получше все уладь!
А ты, Мордва, изволь-ка завтра встать
Пораньше, да к Жернову отправляйся
С рабочими и вырой сотню лип –
И на бульвар вези их; ты старайся,
Чтоб корни были целы и могли б
Они приняться; выбирай прямые
И чистые деревья, молодые
И ровные, рабочих понукай
Как можно чаще, – наш народ лентяй, –
Ступайте же». Крумахер потянулся,
Прилёг к подушке, раза два зевнул
Глубоко и приятно – и заснул,
И захрапел. Поутру он проснулся
До петухов. Лазурный неба свод
Был чист и ясен. Солнечный восход
Багряными, златистыми лучами
Блистательно его осиявал;
Багряными, златистыми столбами
Река блистала: ярко в ней играл
Прекрасный день. Вдоль берега туманы
Ещё дымились; рощи и поляны
Сверкали переливную росой
И зеленели. Воздух, теплотой
И свежестью весны благоухая,
Был тих и сладок; жаворонок пел,
И благовест над городом гудел,
К заутрени протяжно приглашая
Благочестивый православный люд...
Крумахер встал и глядь: к нему ведут
Купца Жернова. «Это что такое?»
– «Лип не даёт, кричит и гонит вон!»
– «Лип не даёт! Нет, это, брат, пустое!
Ты лип нам дашь, ты мало, знать, учён:
Буянить вздумал. Ты не уважаешь
Начальников, полиции мешаешь!
Ах ты разбойник! Мы тебя уймём».

(И ну его гордовым чубуком!)
«В тюрьму его! Там будет он смиреннее –
В тюрьму его! Да насчитать ему...»
(И отвели несчастного в тюрьму.)
«А ты, Мордва, ты, право, не смелее
Моих индеек, баба, размазня!
Хорош квартальный – ты срамишь меня!
Нет, у меня б Жернов не раскричался,
Не пикнул бы. Иди же ты назад!
Стыдись, братец, кого ты испугался?
Бородачей, купчишки, – плох ты, брат!
И больно плох, и время упускаешь
По пустякам. Иди же и, как знаешь,
Как я велел, всё сделай поскорей,
Да, ради Бога, будь ты посмелей!»
Мордва ушёл. Работою живую
Давным-давно бульвар уже кипел,
На нём и ряд деревьев зеленел
Посаженных, и тенью их густую
Играл прохладный, вешний ветерок,
И падала роса их на песок.

Дышать прохладой сладостного мая
Пошла Алина; дети вместе с ней.
Кнар собирался к князю, размышляя,
Как он пойдёт и просьбою своей
Предохранит свой сад от господина
Крумахера. Вдруг слышит крик; Полина
И Макс бегут, и плачут и кричат:
«Папа, папа, иди скорее в сад;
Мама больна, в сад воры приходили
И взяли наши липы». Он бежит,
И что ж он видит: замертво лежит
Его Алина. Тот же час пустили
Ей кровь, да кровь едва-едва текла:
Несчастный муж! – Алина умерла!

Бульвар кипит работой. Горделиво
Князь и Крумахер смотрят на него.
И подлинно: всё делается живо.
Помехи нет ни в чём, ни от кого.
Приехали и с липами Жернова, –
Сегодня же и садка вся готова:
Останется лишь разровнять песок
И поливать. Бульвар поспеет в срок,
И даже прежде срока. В самом деле,
Бульвар, ещё до срока, в жаркий день
Уже манил гуляющих под тень
Своих ветвей... И не прошло недели,
Как и прелестный, райский князев сон
Сбылся точь-в-точь, каким приснился он.

9 апреля 1846 г. Poemalar